

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Волшебная гора. Польская народная сказка

У одной бедной вдовы было три сына. Она души в них не чаяла. Сыновья тоже мать почитали, добром за добро платили.

И у каждого сына свое ремесло было.

Старший в костёле на органе играл. И к тому же книжки читал. Ученым слыл человеком. Крестьяне его уважали, да что крестьяне – сам ксёндз ему кланялся.

Средний в солдатах служил. Храбрецом слыл, и за это ему тоже от людей почет! Где только он не побывал, каких чудес не повидал! Как начнет рассказывать, односельчане разинут рты и слушают затаив дыхание.

А младший сын, как деды и прадеды, землю пахал да хлеб засеивал. Старушку–мать и братьев кормил. Недосуг ему рассказы солдата слушать да учености старшего брата дивиться, вот и считали его братья дураком.

Жили они, поживали, горя не знали.

И вот приключилась беда. Заболела как-то ночью старушка–мать. Лежит, стонет и детей зовет. Подбежали братья к постели, а мать, как плат, белая, еле дышит.

Опечалились они, что делать, не знают.

Тут старший сын, что умником слыл, и говорит:

– Я матушку постерегу, а вы сбегайте к бабке–ведунье. Она в лесу возле могилы в заброшенной избушке живет. Может, знает она, как матушке помочь.

Бегут братья долом, лесом. Прибежали к заброшенной избушке, где бабка–ведунья живет. Про беду свою рассказали и тем же путем вместе с ней назад воротились. К дому подходят, а старший брат у ворот стоит, их поджидает.

– Как матушка? – кинулись к нему братья.

– Полегчало ей, стонать перестала. Заснула, родимая.

Бабка–ведунья в избу взошла – и к постели. Дотронулась до больной, покачала головой и молвит:

– Полегчало вашей матушке. Ничего у нее больше не болит. Отмучилась она, померла.

Услыхали сыновьям и в слезы. Плачут, об стену головой бьются, рубахи на себе рвут. Сколько лет бабка–ведунья на свете жила, а такого горя не видывала. Вот пожалела она их и говорит:

– Ладно, дам вам совет: чтобы матушку воскресить, надо каплю живой воды добыть. Только это не всякому молодцу по плечу. За тремя реками, за тремя лесами стоит волшебная гора, на той горе под говорящим деревом – родник. И стережет его сокол заколдованный. Пути до горы и обратно – ровно семь дней. Много туда удалцов хаживало, да назад никто не воротился. Чтоб на вершину взойти, надо держать напрямик, никуда не сворачивать и не оглядываться. Что ни увидишь, что ни услышишь – знай вперед иди, а сделаешь шаг вправо или влево или оглянешься назад – пропал: камнем в землю вращешься. А страхов и соблазнов там не счесть! С тех пор как мир стоит, никто еще до вершины не добрался. Кто из вас хочет счастья попытать, живую воду достать? А идти туда – за солнцем.

Сказала – и вон. А братья стали совет держать, кому за живой водой на волшебную гору идти. Заспорили они, каждому мать хочется спасти.

– Послушайте,– говорит средний брат,– бабка–ведунья сказывала: чтоб на ту гору взойти, храбрость нужна, а мне, бывалому солдату, смелости не занимать стать. Не раз на поле брани смотрел я смерти в глаза. Мне сам черт не брат. Ровно через неделю ждите меня с живой водой.

Простился с братьями солдат, взял острый меч и в путь за солнцем отправился.

День прошел, и два, и три, вот и неделя кончается. А солдата все нет и нет. Затревожились братья, в лес к бабке–ведунье побежали, спрашивают, куда их брат подевался.

– Не ждите его понапрасну, – отвечает ведунья–колдунья,– не воротится он больше домой. Камнем врос в гору и останется там на веки вечные.

Опечалились братья. Идут домой и по дороге спорят, чей черед за живой водой идти. Рассердился умный брат и говорит:

– Сиди, дурак, дома! Где тебе за живой водой идти. Уж если брату, бывалому солдату, не повезло, тебе и подавно не повезет. Без ума тут ничего не выйдет. А мне ума не занимать стать. Уж я–то знаю, как черта перехитришь. Брызну на него святой водой, он и отступится. Жди меня через неделю.

Простился с братом, взял кропильницу с кропилом и в путь за солнцем отправился.

День прошел, и два, и три, вот и неделя чается. А старший брат будто в воду канул. Побежал младший брат в лес к бабке–ведунье и спрашивает, куда брат подевался.

– Не жди его понапрасну,– отвечает ведунья–колдунья,– не воротится он назад. Камнем врос в гору и останется там на веки вечные.

Опечалился младший брат. Да что подделаешь, слезами горю не поможешь. Прибежал он домой, котомку с хлебом взял, косу наточил, через плечо повесил и в путь за солнцем отправился.

Он и день идет, и другой идет. Три реки переплыл, три леса из конца в конец прошел и на третий день на закате солнца заколдованную гору увидел.

Стоит гора высоченная, вершиной в облака упирается, лесом черным ошетинулась. Дубы да сосны, буки да ели, точно великаны в гору лезут, друг дружку плечами подпирают. В прогалинах меж деревьями – терновник да шиповник колючий, трава ядовитая, камни огромные, скользким мхом поросшие. В чаще змей да ящериц, жаб да лягушек – видимо–невидимо. Змеи шипят, клубками свиваются: ужалить хотят.

Как туда идти, когда даже издали глядеть страшно?

Постоял вдовый сын, вспомнил мать неживую, собрался с духом и на гору полез. Руки себе все изрезал, ноги искровенил. Змеи его

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

обвивают, жалят, колючки одежду рвут, царапают, трава сама в рот лезет, ядовитым соком отравить норовит. А ему всё нипочем.

Много ли, мало ли шел, вдруг слышит, окликает его кто-то:

– Эй, погоди! Куда идешь?

Чуть было не обернулся вдовый сын, да вспомнил, что ему бабка-ведунья наказывала, и дальше пошел.

Вдруг, откуда ни возьмись, с левого бока странник в куцем кафтанишке. Ростом невелик, с виду неказист.

– Здравствуй, приятель! – говорит этак вежливо и шляпу снимает. – Куда путь держишь?

– На гору! – отвечает вдовый сын.

– А зачем ты на гору лезешь?

А вдовый сын в ответ:

– Живой воды хочу зачерпнуть.

– Ну, тогда нам с тобой по пути. Я тоже за живой водой иду. Пойдем вместе.

– Пойдем, коли хочешь.

– Ты, брат, не туда идешь. Зачем сквозь чащу продираться, по камням карабкаться? Посмотри, вон, налево, какая дорога широкая да ровная.

Глянул вдовый сын налево, и впрямь – дорога, как стол, гладкая, улиткой в гору ползет.

– Пойдем, пойдем! – уговаривает его попутчик.

– Сам иди! А я напрямик пойду, – говорит вдовый сын: слова бабки-ведуньи крепко помнит.

– Пойдем!

– Отстань! – отрезал вдовый сын.

– Ну и сверни себе шею, дурак! – Странник в куцем кафтанишке заскрипел в бешенстве зубами, отскочил в сторону и исчез, будто его и вовсе не было.

Карабкается вдовый сын в гору. Вдруг по всему лесу гул пошел. Позади лай, вой, свист, точно за ним тысячная стая волков и собак гонится.

– Ату его! Ату! – науськивает их кто-то дьявольским голосом.

Яростный лай все ближе и ближе. Вот-вот его бешеная свора нагонит и в клочья растерзает.

Только хотел он обернуться, косой на них замахнуть, да вспомнил слова бабки-ведуньи и вперед шагнул.

В тот же миг не слышно стало ни треска, ни грохота, утих свист и лай. Только хохот – протяжный, оглушительный – прокатился по лесу, ветвями, точно ветер, зашелестел, и все смолкло.

Не успел вдовый сын опомниться, а тут новая беда!

В непроглядной тьме зарево вспыхнуло, будто солнце в неурочный час взошло. Посмотрел он наверх: полнеба пламенеет. Это лес горит, огнем полыхает. Огонь навстречу ему подвигается, растет, жаром палит. Деревья, как головни гигантские в печке, огнем пышут, искры мечут, друг на дружку валятся, путь ему преграждают.

Помертвел от страха вдовый сын. Ноги к земле приросли. Живьем в огне сгоришь, в пепел обратишься. Но вспомнил он мать неживую, страх одолел и в огонь-пламя кинулся.

В раскаленные угли по колено проваливается, от жара дыхание перехватывает, черный дым глаза ест, а он идет и идет напролом, никуда не сворачивает. Чуть живой из огненного ада выбрался.

Вышел вдовый сын из огня-пламени, посмотрел вверх, а вершина-то уже близко, рукой подать! Отлегло у него от сердца.

Посмотрел в другой раз, радость померкла, в страх обратилась. Перед ним отвесной стеной скала до неба высится.

В третий раз посмотрел, у подножия скалы вору черную разглядел. Перед норой змей о семи головах спит, во всю мочь храпит.

Задумал вдовый сын дракона перехитрить, сонного убить. Да не тут-то было! Как услышал дракон чужьи шаги, встрепенулся, проснулся и на ноги вскочил. Все семь голов огнем палят, жаром пышут. Зарычал дракон – гора зашаталась. Зубами ляскнул – лес застонал.

Вдовый сын острой косой семь раз взмахнул и все до единой головы сшиб. Поганое чудище дух испустило, а головы в глубокую пропасть покатались.

Вот вполз вдовый сын в драконье логово. А там дым, темень, чад – дышать нечем. Встал он с трудом на ноги и пошел. Идет в потемках, в горле пересохло, пить хочется – страсть. Еле ноги бед-няга волочит. А пещере конца нет.

Вдруг сбоку из расщелины яркий свет брызнул и дивным запахом повеяло. Чудно ему: откуда под землей солнечный свет? Подходит поближе – перед ним пещера, точно храм громадный, а в пещере сад красоты невиданной. Понизу травка майская зеленеет, розы и лилии цветут, дивным запахом дурманят. На траве-мураве деревья стоят, на них плоды румяные. Ветви под тяжестью их к серебряному ручейку клонятся. Пария голод, жажда донимают, но он отвернулся и дальше пошел.

Долго ли, коротко ли он шел, только опять из расщелины свет пробивается. Подошел он поближе, видит – грот, просторный, высокий, под сводом на золотой цепи золотая лампа торит. А вдаль стен поставлены кадки, сундуки, ларцы, полные золота, серебра, драгоценных камней.

Не позарился вдовый сын на богатство, отвернулся и дальше пошел.

Вот идет он, идет и вдруг слышит дивную музыку я пение, будто сто соловьев разом поют. Тут скала перед ним расступилась, распахнулись двустворчатые двери и засверкал золотом зал.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Посреди зала на мягком узорчатом ковре десять красавиц в прозрачных, как туман, одеждах под музыку танцуют и нежными голосами поют. Как увидели молодца, танцевать перестали, и та, что краше всех, к двери подбегает, улыбается ласково, белой ручкой манит, сладким голоском зовет.

Тут и святой бы не устоял, но вдовый сын вспомнил свою девушку – белую лилию, что в деревне осталась, глаза рукой заслонил и дальше ощупью побрел. Шел, шел и в железные двери уперся. Рукой до них дотронулся, они со скрежетом распахнулись, и вышел он из тьмы на свет солнечный, на самую вершину заколдованной горы.

Стоит он на вершине, дух переводит, кругом озирается. А тут все, как ему бабка-ведунья предсказывала: на голой, как ладонь, скале единственное дерево растет, серебряными листочками звенит, словно на ста арфах разом играют. Из-под корней прозрачный родник течет, на верхней ветке золотой сокол покачивается.

Увидел молодца золотой сокол, крыльями взмахнул, золотыми перышками зазвенел, поднялся в вышину и исчез в облаках.

Вдовый сын из сил выбился, к говорящему дереву ползком ползет. Приполз, на голую скалу лег и к источнику припал. Пьет, и с каждой каплей сила в нем прибывает, раны затягиваются, заживают, словно и не было их.

Напился он вдоволь, на ноги вскочил и радостным взором на мир поглядел, что внизу раскинулся. Раннее солнышко позолотило землю своими лучами. А на земле гор, полей, лесов, рек, деревень, городов – не счесть! И все такое яркое да пестрое, как на картинке. Сто лет глядеть будешь – не наглядишься.

Вдруг слышит вдовый сын, над головой крылья зашумели. Глянул – золотой сокол летит, в клюве кувшин золотой держит. И прямо к нему на плечо садится. Серебряные листочки зазвенели на дереве, и расслышал он такие слова:

Возьми-ка кувшин,

Возьми золотой,

Наполни кувшин

Живою водой.

Ветку мою

Сломай, не жалея

И отправляйся

Домой веселей.

Вниз по горе

Смело шагай,

В воду живую

Ветку махай.

Шаг ступи –

Водой покропи.

Как велело дерево, так он и сделал. Зачерпнул золотым кувшином прозрачную воду, отломил ветку и стал с горы спускаться. Шагнет, остановится, ветку в живую воду окунет и вокруг побрызгает.

И свершилось чудо! Где капля на камень упадет, там из камня живой человек встает, улыбается и за ним следом идет. Чем ниже спускается он, тем больше народу собирается. У подножия горы обернулся вдовый сын, а за ним толпа тысячная валит, точно войско на походе.

Со всех концов земли были тут знатные юноши, смелые воины, прекрасные царевичи, были и женщины, и старики, и дети. Увидел вдовый сын в толпе и двух своих братьев: солдата с мечом и органиста с кропилом.

Все крестьянина за избавление благодарят, верой-правдой служить клянутся.

Валит толпа, а вдовый сын впереди шагает. Идут они день, другой, а на третий приходят в деревню, откуда он родом.

Бежит вдовый сын к избушке, дверь открывает – и к постели, где мать третью неделю неживая лежит. Окунул ветку говорящего дерева в живую воду и той водой мать покропил. И в тот же миг старушка глаза открыла. Жива-здорова, с постели встает, будто и не хворала вовсе. Добрый сын обнимает мать, радуется, а с ним и весь народ ликует, веселится.

Только два человека не радуются: два умных брата. Обидно им, что дурак живую воду раздобыл, а они, умные, не сумели. Не захотели они на братнино счастье глядеть. Тишком да молчком в чужую сторону ушли. А в чужой стороне своих умников хватает – никто старшего брата не почитает. И пришлось ему навоз на поле возить.

Среднему брату совсем не повезло: сложил он голову на чужбине.

Много ли, мало ли времени прошло – на месте убогой деревушки раскинулся большой и славный город. Посреди города замок высится.

Вдовый сын женился на своей девушке – белой лилии, и стали они в замке жить, добрые дела вершить.